

Наличие архитектурной высшей школы – важный индикатор уровня социально-экономического и культурного развития региона. Это постоянный источник высококвалифицированных специалистов – архитекторов и градостроителей; площадка исследований местной проблематики в контексте академических профессиональных знаний, что является фактором устойчивого развития. В процессе взаимодействия и естественных взаимных влияний достижения реальной практики и учебное заведение могут создать своеобразную региональную школу отечественной архитектуры.

Ключевые слова: архитектурная школа; архитектурная практика региона; взаимодействие; взаимовлияния; региональная школа архитектуры. /

The presence of an architecture school is an important indicator of the level of the socio-economic and cultural development of the region. It is a permanent source of highly-qualified specialists – architects and urban planners. It is also a ground for studies of local problematics in the context of academic professional knowledge, which is a factor of sustainable development. In the natural process of mutual interaction between the achievements of a real practice and an educational institution, a unique regional school of Russian architecture can be created.

Keywords: architecture school; architectural practice of the region; interaction; mutual influence; regional architecture school.

## Архитектурные школы и практики регионов. Записки очевидца / Architecture schools and regional practices. Notes of the eyewitness

текст  
Александр Кудрявцев /  
text  
Alexander Kudryavtsev

Известно мнение/выражение: архитектурный вуз – это фабрика грез. В жизни каждого зодчего студенческие годы – самый счастливый творческий период, мир чудес, идеально устроенный для свободного творчества. Любимый (как правило) и уважаемый профессионально (как правило) творческий руководитель-лидер (профессор, избранный душой и сердцем) и два десятка товарищей и подруг (не конкурентов!), у которых тоже можно и поучиться профессионально, и жизненного опыта набраться. Без зависти, без обид – друзья, не партнеры. Это все будет потом. Не случайно именно в студенческие годы рождается дружба на всю жизнь, скрепленная общими профессиональными интересами.

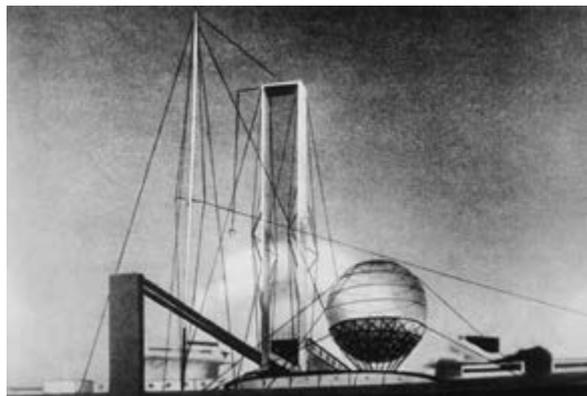
Дипломный проект – звездный час архитектора. Очень многие предпочитают самостоятельность сильному творческому руководству, почувствовав симптомы новой, будущей жизни после вуза. И вот ты стоишь впервые перед профессиональным, седовласым и лысым мэтром, жадно всматривающимся в твой проект: не новый ли Леонидов перед ним, не Заха ли Хаидид. Это ожидание чуда присуще профессиональному цеху. Ежегодно с надеждой, а то и ревностно архитекторы следят за рождением новых зодчих, их будущих соперников; ведь архитектура – это конкурсное искусство (С. О. Хан-Магомедов), но в то же время и партнерство, и соавторство, и обретение соратников в жизни. Многие мудрые практики преподают в вузах, присматриваются к будущим колле-

гам, улавливают творческие сигналы, идущие из проектов молодых, «промывают глаза», чтобы не потерять способность заглядывать в будущее.

В 1985 году мне, только что избранному секретарем правления Союза архитекторов СССР, было поручено по должности «курировать» высшее архитектурное образование в огромной стране. Я не преподавал – опыта никакого не было, кроме собственного, в МАРХИ и Бухарестском институте. Но был замечательный объект изучения – Всесоюзный смотр дипломных проектов архитектурных вузов! Само это событие было ритуалом: секретариат правления Союза во главе с первым секретарем посещал выставку, организованную на базе одного из вузов, обсуждали увиденное и награждали лучшие проекты. Такие выставки дипломов были традиционными не только у нас. Но в СССР они имели особенность – старшие по профессии (начальники?) определяли «здоровье» творческой направленности будущих зодчих: туда ли они идут? Туда ли заворачивают? Помню, как дипломные проекты Д. Шелеста и М. Королькова, уже известных учеников «бумажников» Б. Г. Бархина и его ассистента М. Белова, вместе с еще несколькими проектами (еще был СССР!), были предметом специального обсуждения – казнить или миловать? Прошло не так уж много времени – и я с удивлением увидел этот проект в виде фрески на стенах архитектурного факультета Кубанского аграрного университета! А в 1996 году М. А. Белов был избран и стал самым молодым профессором МАРХИ, с именем которого были связаны идеи обновления, поиска новых творческих ориентиров, в которых так нуждалась отечественная архитектура, мучительно переживавшая 90-е годы.

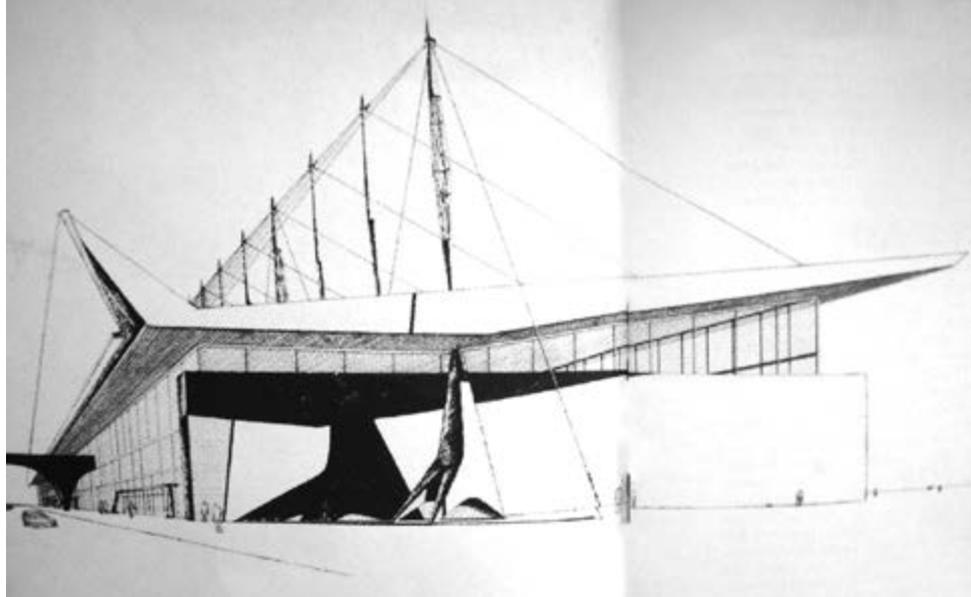
Непросто проходили процессы адаптации высшей архитектурной школы к новым политическим событиям конца 1980-х годов и первой половины 1990-х – «перестройка», распад СССР и становление новой России.

Важным для школы было последнее постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» 1987 года, где изрядная часть посвящалась развитию МАРХИ и созданию автономных архитектурных вузов в провинции. Создавались новые автономные школы в Красноярске, Новосибирске,



> Рис. 1. И. Леонидов. Институт В. И. Ленина. ВХУТЕМАС, дипломный проект. 1927

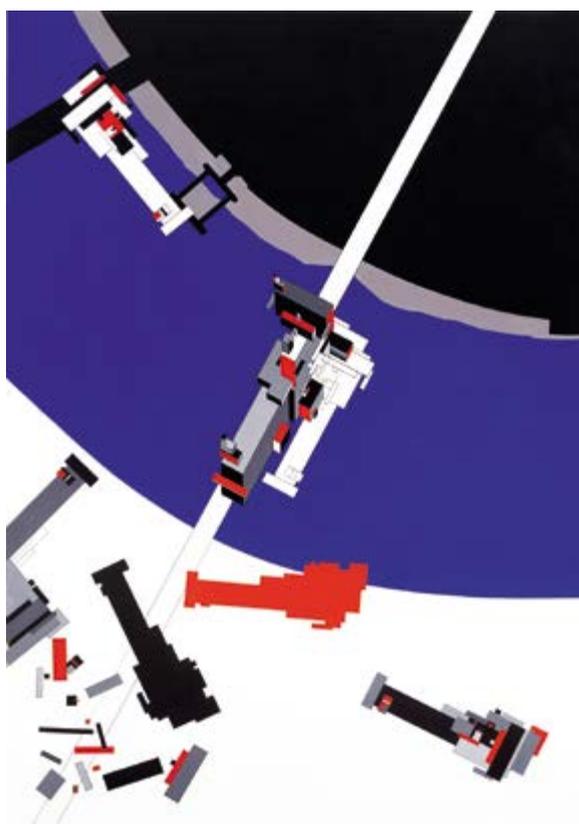
в Рис. 2. НЭР. Кривоносов. МАРХИ, комплексный дипломный проект, 1960



< Рис. 3. В. Локтев. Аэропорт. МАРХИ, дипломный проект. 1958

Хабаровске, Ростове-на Дону, то есть в крупных социально-экономических районах (тогда еще не было в ходу слово регион). Это была очевидная попытка поднять уровень архитектурной культуры в РСФСР, наиболее пострадавшей от типизации и индустриализации строительства. В 1960–1980 годы разница в качестве архитектуры по сравнению с расцветом архитектуры столиц национальных республик, серией достижений в жилищном строительстве Белоруссии, Прибалтики, Закавказья была особенно ощутима, особенно на Всесоюзных смотрах архитектурных дипломов.

В РСФСР царил МАРХИ. Он был головным вузом, головным научно-исследовательским центром: аспирантура и докторантура, центр повышения квалификации педагогов и руководящих работников. Надо сказать, что проекты МАРХИ резко отличались во всех своих специализациях от реальной московской архитектуры. Разрыв между студенческими и реальными проектами был столь разителен, что критика сверху стала традиционной и не влекла последствий. А появление «бумажной архитектуры» было признано закономерным; поначалу – злокозненным, а затем, при поддержке профессиональных архитекторов, – полезным и даже прогрессивным художественным явлением. МАРХИ был также витриной советской архитектуры, компенсировавшей закрытость и угрюмость победами на международных конкурсах и рвущимися в небеса дипломами, чему в большой степени способствовала группа молодых педагогов – бывших НЭРовцев, «будетлян» в архитектуре с лидером И. Лежавой (штатным) и А. Гутновым (нештатным). Их присутствие будоражило, стимулировало творческие поиски, способствовало постоянному притоку способных студентов МАРХИ в реальное проектирование. За МАРХИ стояла и славная инновационная традиция ВХУТЕМАСа – ВХУТЕИНа: живые властители дум, опальные герои героических периодов обоих суперстилей, а в новейшее время – наиболее признанные «бумажники». На выставках дипломов в МАРХИ приходили московские зодчие в поисках новых трендов и иностранцы, пораженные, прежде всего, графическому мастерству и художественной дерзости авторов.



< Рис. 4. Заха Хадид. Тектоник Малевича. АА, Лондон, преддипломный проект. 1976–1977

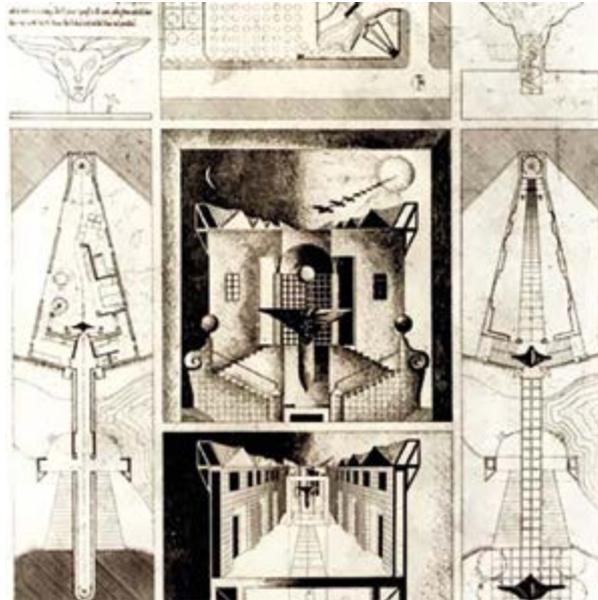
Профессор МАРХИ В. Локтев, его воспитанник, выпускник 1958 года, вспоминал, как на московском XVIII съезде МСА с трибуны съезда прозвучал призыв посетить выставку в МАРХИ, где можно увидеть блестящее будущее советской архитектуры.

Все московские архитекторы были питомцами МАРХИ, многие преподаватели тоже, и это обеспечивало естественный обмен знаниями и идеями, школу и практику.

Я учился в конце 1950-х годов, когда профессорами были мастера реальной архитектуры, знавшие цену и новизне идеи, и владевшие искусством ее реализации. К сожалению, это естественное состояние «профес-



^ Рис. 5. В. Егеров, В. Кубасов, Ф. Новиков, И. Покровский, Б. Палуй, М. Хажакян. Дворец пионеров на Ленинских горах. Москва. 1958–1962



^ Рис. 6. М. Белов. Дом-экспонат на территории музея XX века, 1-я премия на конкурсе JA Shinkenshiku.1981

сор» – «мастер» закончилось бюрократическим приказом о запрете совместительства в высшей школе.

В 1970-х годах МАРХИ был эпицентром смотров; особой была петербургская школа – Академия художеств и ЛИСИ. Их традиции сохраняли своеобразие обеих славных школ: метафизический холодок ювелирных проектов Академии и очевидное суховатое воздействие на архитектуру инженеров бывшего ПИГИ.

В начале 1970-х резко вырвался САИ (Свердловский архитектурный институт), добившийся автономии через организационные трансформации при активном содействии МАРХИ и местной власти. Удивительно, но особый вольный дух Урала выражался уже тогда в дипломных проектах.

В РСФСР архитектурные кафедры существовали во многих технических вузах – строительных, металлургических, нефтяных. Им жилось непросто под прессингом учебных нормативов профильных институтов, естественного непонимания руководителями специфики искусства архитектуры. Когда я по долгу службы посещал эти кафедры, я восхищался пассионарностью преподавателей, и мне на ум приходила странная аналогия – после упразднения домовых церквей в вузах наши кафедры осуществляли духовную миссию культуртрегеров в значительно превосходящих массах будущих строителей. Их богом был МАРХИ, и дипломные проекты, хоть и на местном материале, были слепками композиционных упражнений столичного института, в том числе его отклонений «от генеральной линии». Зато представленные на смотр проекты будущих зодчих национальных социалистических республик радовали глаз разнообразием и художественным своеобразием. При этом, видимо, при дефиците профессиональных кадров ограничения по совместительству были не столь категоричными.

Грузинская школа дала шедевры мемориальной архитектуры; узбекская и казахская – современную интерпретацию национального духа в общественных зданиях; литовские педагоги экспериментировали с формообразованием в новых типах массовых зданий соцкультбыта. Близкие и им, и россиянам белорусы показали, как профессура может не только спроектировать, но и построить национальную школу международного класса.

Украинские преподаватели создали одну из самых эффективных проектных организаций – «САКБ» при Львовском политехе, выполнявшим ответственные городские заказы, да и здание архитектурного факультета КИСИ было примером возможного в невозможных условиях.

Очень высокий взлет мастерства графики показала киргизская школа, но особенно ярко было обращение к архетипам культуры степняков.

Распад СССР всех (имею в виду профессиональный цех) застал врасплох. Первыми опомнились педагоги, понимавшие, какой потенциал представляли всесоюзные связи, взаимодействие с Союзом архитекторов, который в это время пытался найти новые ориентиры своего существования. И в 1992 году, одновременно с созданием РААСН, был организован МАПАШ – Международная ассоциация педагогов архитектурных школ. Ее крестным был всеми глубокоуважаемый А. В. Степанов, и первым подвигом был смотр дипломов (с 1998 МАПАШ – МООСАО – Межрегиональная организация содействия архитектурному образованию).

Помню только первое впечатление от первого смотра новообразования, собравшего российские вузы – МАРХИ, Санкт-Петербургские вузы и остальные (около 30) – слепки головного российского вуза: исчез художественный баланс многонациональной многокультурной империи. И это была не только моя реакция, но и всех участников смотра.

К этому времени многие строительные университеты добавили к своему лого букву «А» – «архитектурный», поняв ее привлекательность для будущих студентов (остался МИСИ, даже став национальным научно-исследовательским университетом и имея несколько архитектурных программ). Лидером провинциальных, теперь уже региональных школ, становится УрГАХА, ныне УрГАХУ, архитектурная школа, одной из первых осознавшая перспективу взаимодействия архитектурного образования с дизайнерским. Следует специально упомянуть авторов этой школы в регионе не только как образовательного, но и научно-исследовательского и проектного коллектива. Это Н. Алферов, А. Коротковский и Г. Заикин. Как мне кажется, в симбиозе своих начал уральцы ищут свой путь



< Рис. 7. В. Орехов.  
Стадион. Красноярск. 1968

в архитектуре, постоянно пробуя те или иные организационные формы.

Серьезные традиции сформировались в Новосибирской школе, созданной еще в 1930-х годах. Это Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, сделавший уникальный вклад в историю советской архитектуры и обладающий мощным градостроительным потенциалом, и ровесник новой России, единственный реализованный по постановлению № 1058 автономный вуз с непростой историей рождения – Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств. По происхождению монопрофильный архитектурный вуз в целях развития и жизнеспособности открыл обучение декоративно-прикладному искусству и стал называться Академией. Оба уважаемые заведения обязаны своим происхождением Томскому университету, чтут своего знаменитого предшественника А. Д. Крячкова и вместе с Иркутским техническим университетом являются важным остовом архитектурной культуры Сибири. На примере сибирских городов видно интересное, даже уникальное взаимодействие школы и практики. Архитекторы-педагоги Томска создали уникальную систему подготовки специалистов по охране культурного городского наследия в самом исчезающем его сегменте – деревянной городской застройке.

Разработанная ими методология используется в градостроительной документации и целевых программах. Как известно, в отечественной истории архитектуры зафиксированы периоды, когда вуз играл роль локомотива в поиске новых путей (ВХУТЕМАС – ВХУТЕИН 1920-х 1930-х годов), а было время, когда практика обгоняла консервативную академическую школу, и вузу надо было ее догонять (1950–1960-е годы). То же происходило и с региональными вузами. Так, в 1970–1980-е годы в Иркутске возникла прогрессивная региональная практическая школа с лидером В. А. Павловым, и вузу было необходимо впитать этот опыт. Эта мощная инновационная инъекция до сих пор активизирует как школу, так и практику.

Без композиционных находок В. Орехова и А. Демирянова красноярская школа потеряла бы своеобразие.

Новая эра открыла художественный потенциал волжских городов, всегда претендовавших на призовые места

в иерархии русских поселений. Достижения в реальной архитектуре Нижнего Новгорода, открывающего профессиональные глаза на городскую архитектуру рубежа XIX – XX веков как источник самобытности современного зодчества, способствовали рождению творческой школы, уверенно руководящей архитектурной педагогикой университета.

В этом направлении развиваются и саратовская, и самарская школы. В последней особенно силен так называемый градостроительный, может быть, даже средовой подход в архитектурных поисках современности.

Казанский университет всегда имел мощную подпитку в формообразовании от МАРХИ. Ряд исследований казанских педагогов в области объемно-пространственной композиции корнями уходят в поиски 1920-х – 1930-х годов. Это вуз столицы крупнейшей национальной республики России, где очевиден заказ на создание современной региональной архитектуры. В Казани есть качественные примеры архитектуры 1950-х – 1980-х годов. Но создание мощной региональной современной школы – дело будущего. Сегодня, по моему мнению, потоки реального и учебного проектирования текут параллельно, не взаимодействуя.

А что же с исконными русскими землями центральной, северной России, теми регионами, культурным наследием которых мы гордимся, многожды питавшим нашу культуру и искусство?

Господин Великий Новгород обладает архитектурной школой в составе университета и набирает профессиональную силу в реставрации, но отблеска новгородского зодчества в новых проектах не видно. Вологодский университет, как это бывало в истории вузовской жизни, в результате распада СССР обладал группой прекрасных педагогов из набравшей силу школы Целинограда. И мы увидели новые, свежие проектные идеи и надеемся, что эти тенденции окрепнут, образуют своеобразное лицо архитектурной школы.

Но грустное впечатление производят новые жилые комплексы, наши современники, которые возводятся по программам высотного, среднеэтажного доступного жилья, лишенные связи с ландшафтными и историко-культурными традициями.



Рис. 8. В. Павлов. Жилой дом ВСЖД. Иркутск. 1986. Лучшая постройка в конкурсе СА СССР 1987 года

Стоят геометрические коробки, как бы обрезанные по предельной высоте в 17–19 этажей в чистом поле и в Подмоскowie, и во Владимире, в Вологде и Карелии, в Сибири и на Дальнем Востоке. И охватывает предчувствие большой беды, которую мы уже переживали – монотонный «топот», пожирающий наши чудесные ландшафты, наши города, нашу культуру. Это свежие впечатления от результатов ежегодного градостроительного конкурса жилых комплексов-новостроек ТОП ЖК (78 регионов) 2020 г., членом жюри которого довелось быть. Правда, новая жилая архитектура в регионах, обладающих архитектурно-строительными вузами и более квалифицированными кадрами, значительно лучше. Это, по-моему, сигнал о необходимости постоянного взаимодействия архитектурно-строительной практики с работой архитектурно-строительных вузов. В этой области накоплен достаточно обширный опыт сотрудничества: и апробация проблемных тем в учебном проектировании, и приглашение мастеров-практиков к преподаванию (к сожалению, только дипломному), и приглашение штатных педагогов к экспертной и предпроектной исследовательской деятельности. К сожалению, сократилась практика заказов вузам в виде участия в конкурсах, достаточно распространенная в советское время. Помню победы МАРХИ в конкурсах на центры городов, градостроительную структуру центра Москвы на перспективу. Такое сотрудничество было очень плодотворно для обеих ветвей архитектурной деятельности и в целом для выработки стратегии развития нашей архитектуры. Но новое

время требует новых практик взаимодействия, всегда авангардно подсказывающего траектории движения...

#### Литература

1. Латур, А. Рождение метрополии. Москва 1930–1955: антология. – Москва : Искусство-XXI век, 2005. – 336 с.
2. Специальный проект журнала «Проект Классика»: тема номера Михаил Белов. – 2006. – № XIX– MMVI
3. Орельская, О. Архитектурный дуэт Александр Харитонов и Евгений Пестов. – Нижний Новгород : РИ «Бегемот», 2001. – 224 с.
4. Диалог Елены Багиной и Елены Григорьевой об Иркутске, Владимире Павлове и шестидесятих // Проект Байкал. – 2019. – № 59. – С. 130–137
5. МАПАШ/ МООСАО. Международный смотр-конкурс выпускных квалификационных работ по архитектуре и дизайну. – URL: [www.nsuada.ru](http://www.nsuada.ru) (дата обращения: 30.03.2020)
6. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР «О дальнейшем развитии советской архитектуры и градостроительства» – URL: [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru) (дата обращения: 30.03.2020)

#### References

- Bagina, E., & Grigoryeva, E. (2019). A dialogue between Elena Bagina and Elena Grigoryeva about Irkutsk, Pavlov and the 1960s. *Project Baikal*, 16(59), 130-137. Retrieved from <http://www.projectbaikal.com/index.php/pb/article/view/1446>
- Latour, A. (2005). *Rozhdenie metropolii. Moskva 1930-1955: antologiya* [Birth of a metropolis. Moscow 1930-1955: anthology]. Moscow: *Iskusstvo-XXI vek*.
- MAPASH / MOOSAO. *Mezhdunarodnyi smotr-konkurs vypusnykh kvalifikatsionnykh rabot po arkhitekture i dizainu* [Interregional Association of Teachers of Architecture Schools / Interregional Social Organization for Advancement of Architectural Education. International review competition of architecture and design graduation theses]. (n.d.). Retrieved March 30, 2020 from [www.nsuada.ru](http://www.nsuada.ru)
- Orelskaya, O. (2001). *Arkhitekturny duet Alexander Kharitonov i Evgeniy Pestov* [Architectural duet of Alexander Kharitonov and Eugeny Pestov]. *Nizhny Novgorod: RI "Begemot"*.
- Postanovlenie TsK KPSS i SM SSSR "O dalneishem razvitii sovetskoi arkhitekтуры i gradostroitelstva" [Decree of the CPSU Central Committee and the Council of Ministers of the USSR "On the further development of Soviet architecture and town planning"]. Retrieved March 30, 2020 from [www.consultant.ru](http://www.consultant.ru)
- Spetsialnyi projekt zhurnala "Proekt Klassika": tema nomera Mikhail Belov [A special project of the magazine "Project Classica": subject of the issue Mikhail Belov], XIX-MMVI.



> Рис. 9. А. Харитонов, Е. Пестов. Банк «Гарантия». Нижний Новгород. 1995